

Главная редакционная коллегия:

В.Н. Ярцева (председатель), *В.М. Солнцев*, *Н.И. Толстой*

Редакционная коллегия тома:

Э.Р. Тенишев (ответственный редактор),
Е.А. Поцелуевский, *И.В. Кормушин*, *А.А. Кибрик*

Редакторы:

Н.В. Рогова, *О.И. Романова*, *И.Н. Черкисова*

Языки мира: Тюркские языки. М., 1996 г. — 543 с.

Настоящая книга — второй том многотомного энциклопедического издания “Языки мира” (серия “Языки Евразии”), подготавливаемого в Институте языкознания РАН. Данный том описывает все известные тюркские языки — как древние (15 статей), так и современные (39 статей), распространенные на огромном пространстве от Восточной Сибири до Европы. Книга также содержит две статьи о языковых семьях — тюркской и алтайской (последняя включает тюркскую семью в качестве одной из ветвей). Все статьи написаны в соответствии с типовой типологически ориентированной схемой, используемой во всех томах данного издания. Эта схема включает социолингвистическую, диахроническую и синхроническую структурную характеристику описываемого языка. Статьи написаны ведущими тюркологами России и других стран бывшего Советского Союза. Книга одновременно представляет собой и фундаментальный труд, и справочное издание. Она адресована специалистам по тюркским языкам, а также широкому кругу читателей, включая лингвистов разных специальностей, историков, социологов, этнографов, юристов, журналистов, учителей и всех интересующихся тюркологией.

ББК 81.2

Languages of the World: Turkic languages.

This book is the second volume of the multivolume encyclopedia “Languages of the World” (the Eurasia series), being prepared in the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. The present volume describes all known Turkic languages, ancient (15 articles) and modern (39 articles), spoken on the vast territory stretching from Eastern Siberia to Europe. The book also contains two articles on language families: Turkic and Altaic (which includes Turkic as one of its branches). All articles are written in accordance with a standard typologically-oriented template, used in all volumes of the encyclopedia. This template imposes sociolinguistic, diachronic, and synchronic structural characterizations upon individual languages. The articles are written by the leading Turkic scholars of Russia and other states of the former Soviet Union. The book is intended both as a fundamental study and as a reference source. It is addressed to specialists in Turkic languages, as well as to a broad audience, including linguists of various specializations, historians, sociologists, ethnographers, lawyers, journalists, school teachers, and everyone interested in Turkic studies.

© Институт языкознания РАН, 1996
© Российская академия наук, 1996
© Издательский Дом «Кыргызстан», 1997

Ф.С.Хакимзянов

БУЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

Булгарским называется язык племен, известных в исторических памятниках с V в. н.э. и основавших в Приазовье оногуро-булгарский племенной союз — Великую Булгарию. После распада Великой Булгарии (середина VII в.) различаются дунайские булгары, которые славянизировались в IX в., и волжские булгары (VIII–XV вв.), государство которых образовалось в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье.

1.1.1. Известны региональные варианты булгарского языка (Б.я.): дунайско-булгарский (представлен в «Именнике булгарских князей»), кубанско-булгарский (считается источником тюркских заимствований в венгерском языке, зафиксирован также в северокавказских рунических памятниках) и волжско-булгарский (сохранился в эпитафиях XIII–XIV вв. и заимствованиях).

Варианты названия дунайско-булгарского и кубанско-булгарского языков — протобулгарский; варианты названия волжско-булгарского языка — древнебулгарский, среднебулгарский, гунно-булгарский, язык эпитафий волжских булгар, язык памятников II стиля.

1.1.2. Б.я. относится к семье тюркских языков.

1.1.3. Время и место существования: для дунайско-булгарского: VII–IX вв. — Болгария; для кубанско-булгарского: V–X вв. — Приазовье; для волжско-булгарского: VIII–XII вв. (до конца XIV в. существовал в качестве функционального языка эпитафий) — Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Диалектный состав Б.я. (по субституции анлаутного j-) — для протобулгарского языка d'- и ž-диалекты; для волжско-булгарского (по совокупности указанного признака и явления -ti- > -či-: t- и ž-(č-)диалекты.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Для дунайско-булгарского и кубанско-булгарского языков достоверных сведений не имеется. Вероятно, они имели статус племенных языков. Образцы дунайско-булгарского языка зафиксированы в «Именнике булгарских князей» и на камне на территории Болгарии, а кубанско-булгарский зафиксирован в приэльбрусских рунических памятниках.

Раннефеодальное государство волжских булгар сформировалось из разноязычных племен. В начальные периоды образования государства Б.я., видимо, выступал в качестве племенного языка. С формированием общебулгарской народности (XI–XII вв.) в силу ряда лингвистических и экстралингвистических факторов образовалось койнэ общетюркского типа. Волжско-булгарский язык употреблялся в качестве функционального языка для оформления текстов-штампов надмогильных плит.

1.3.2. Данных нет.

1.3.3. Данных нет.

1.4.0. Кубанско-булгарские тексты написаны тюркским руническим письмом. В отличие от языка орхоно-енисейских памятников, в них присутствуют сложные руны, а ряд графем указывает на связь с секлерскими (мадьярскими) надписями.

Дунайско-булгарские тексты переданы кириллицей (полууставом), однако оригиналы, очевидно, были написаны греческими буквами. Эпиграфические тексты же вырезаны греческими буквами, имеются и рунические надписи.

Волжско-булгарские тексты написаны арабским письмом (почерками куфи и сульс в рельефной и врезанной технике), приспособленным для передачи своеобразия тюркской фонетики. Находятся некоторые бытовые предметы, на которых начертаны от 1 до 5 рун (руноподобных знаков), однако они не исследованы. Возможно, предшественником языка булгарских эпитафий выступал уйгурографичный язык, в котором уйгурские буквы заменялись арабскими. Так, гласные, кроме трех арабских букв (ى, و, ا) и добавочных диакритик (огласовок), обозначались и сочетаниями этих букв. Тюркский полуузкий е обозначался диграфемой ى + ا, ср.: جيات *žeti* 'семь', بيلم *belim* 'пятый' и т.д. В некоторых случаях срединный -ö- передавался сочетанием و + ا: كوان *kön* 'день'. Согласные ط *ta*, س *sin*, ر *ra*, د *dal*, ع 'айн, ص *šad* имеют подстрочные точки, поставленные с целью поддержания правильного чтения, прежде всего, булгарских слов. В текстах огласовка слов проводилась непоследовательно.

1.5.0. Историю собственно Б.я. можно разделить на следующие периоды (начальный период совпадает с пратюркским): 1) V–VII вв. — данный период характеризуется формированием булгарского племенного союза; он длился до распада Великой Булгарии; начальный период бытования племенных языков; 2) VII — конец IX вв. — существование дунайских, кубанских и волжских булгар, языки которых подвергались сильному влиянию других языков; 3) конец IX — XIV вв. — на исторической арене существовали лишь волжские булгары; наблюдается осложнение языковой ситуации, связанное с созданием форм функционально-стилевой стратификации.

1.6.0. Преподавание арабского языка в медресе и его широкое распространение в качестве официального языка науки и религии способствовали проникновению арабизмов в волжско-булгарский язык. Это, в основном, были заимствования на уровне лексики, а в глаголообразовании — именная часть сложного глагола, ср.: *ħaži* 'хаджи', *taŋiħ* 'дата, летоисчисление', *wafat bol-* 'умереть, скончаться', *säfar ton-* 'удалиться, переместиться'.

О кубанско-булгарском и дунайско-булгарском языках сведений нет.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения о Б.я. в большинстве случаев дискуссионны, потому что сохранившиеся источники из-за характера их графического оформления пока не дают четкого представления о фонологической системе.

2.1.1. Фонемный состав.

Г л а с н ы е

Раствор	Ряд			
	Палатальный		Велярный	
	Лабialsные	Нелабialsные	Лабialsные	Нелабialsные
Узкий	ï	i	u	ï
Полуузкий		e		
Широкий	ö	ä	o	a

Согласные

По способу образования			По месту образования					
			Губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные	Увулярные	Фарингальные
Шумные	Смычные	Звонкие Глухие	b (p)	d t		k	q	
	Фрикативные	Звонкие Глухие	f	z s, š		g h	ɣ χ	ħ
	Аффрикаты	Звонкие Глухие		ʒ č				
Сонорные	Смычные носовые Смычно-щелевые Дрожащие Щелевые		m w	n, ŋ l r				

В кубанско-булгарском и дунайско-булгарском текстах отсутствуют лабиальный *f* и фарингальный *ħ*, в волжско-булгарском же они употреблялись, в основном, в заимствованиях из арабского языка.

2.1.2. Б.я. свойствен сингармонизм, однако, в отличие от палатально-велярной гармонии, губная гармония не всегда выдерживается, возможно, что ее фиксация является результатом письменной традиции. Имеющиеся скудные материалы показывают однотипность гармонии с древнетюркским состоянием.

2.1.3. В кубанско-булгарском в ауслатной позиции заднеязычный *-γ* спирантизировался и переходил в *-ħ* или в *-χ*: *d'oħ/zoħ* 'поминание' < др.-тюрк. *joγ* 'поминальный обряд', однако ср. *ög/öγ* 'славный'; *belüg/belüγ/belüh* 'памятник', дун.-булг. *bäläg/biläg* 'памятник', но также *bēħ* < пратюрк. **bēl'ik* 'пять'; *šeħtem* < **sekir'tim* 'восьмой'. В волжско-булгарских надписях слов с ауслатным *-g(-γ)* или с корреспондирующими с ними графофонами не зафиксировано, но в записках Ибн-Фадлана (X в.) имеются гидронимы *Ваґау*, *Wafıγ*, антропоним *Wıgıγ*. Для языка этих надписей характерен *q > χ* без позиционных исключений: *χıgıχ* < *qıgıq* 'сорок', *toχur/toχır* < *toquz* 'девять'.

В интервокальной позиции *-γ* был неустойчив, ср.: куб.-булг. *ul* < *oγul* 'сын', но имеется *d'oγıš/d'oχš* 'поминание'; волж.-булг. *oul* < *oγul* 'сын' (также заднеязычный *-g > Ø*: *zırme/zerme* < *jıgırmä/jegırmä* 'двадцать'); дун.-булг. *šeγor* 'корова', *baγatur*, *baγain* — титулы.

Б.я. был свойственен ротацизм, ср.: куб.-булг. *d'ur/čur* 'сто', волж.-булг. *zür/zör* 'сто' < др.-тюрк. *jüz*; *toχur/toχır* 'девять', дун.-булг. *tovır* 'девять' < др.-тюрк. *toquz* 'девять'.

Отдельные примеры указывают на возможность ламбдаизма, хотя звук *š* и не является чужим: ср. дун.-булг. *bēχ* (< **bēl'ik*) 'пять', *dvalan* (< *tabišyan*) 'заяц', *töül* (< **töš*) 'грудь', *pil* (< *baš*) 'голова', волж.-булг. *bēl* ~ общетюрк. *beš* 'пять'.

2.1.4. Проблема не разработана.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. В анлауте в Б.я. представлены, как правило, смычные: *q-*, *k-* (но гугтуральный *q-* в волжско-булгарском переходит в *χ-*), звонкий билабиальный *b-*, глухой дентальный *t-*. Анлаутный *j-* в дунайско-булгарском реализуется через *d-* (*dilom* 'змея') и *ž-* ~ *č-* (*žitem* 'седьмой'), в кубанско-булгарском — через *d'-* ~ *ž-* (*d'oχ/zoχ* 'поминание'), в волжско-булгарском — через *ž-* (*žeti* 'семь').

2.2.2. Проблема не изучена.

2.2.3. Как показывают волжско-булгарские надписи, смычный *t* в случаях ассимиляции переходит в *č*, например: *älti* > *älčī* 'госпожа', *žeti* > *žēčī* 'семь', *äti* > *äčī* 'было', *bolti* > *bolčī* 'было', в дунайско-булгарских текстах такое явление не зафиксировано, ср. *bēxti* 'пятый'.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения .

Б.я. относится к агглютинативному типу языков с таким же порядком присоединения аффиксов, который характерен и для других тюркских языков.

2.3.1. По семантико-грамматическим признакам можно выделить следующие знаменательные и незнаменательные части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, послелог и союз. В текстах не зафиксировано наречие, что, однако, не говорит о его отсутствии.

2.3.2. В Б.я. категории рода и одушевленности отсутствуют, слова не различаются и по классным показателям. В тюркских языках личность, как правило, находит свое выражение в формах принадлежности (см. 2.3.4.).

2.3.3. В Б.я. ед. число не имеет материального выражения, а примеров с показателями мн. числа не обнаружено. В дунайско-булгарском языке в качестве форманта множественности выделяется *-*r* (**boliar* < **boila* + *r*), *-*s* (**köpesi*).

2.3.4. Пад е ж н ы е значения в Б.я. выражаются при помощи специальных падежных форматов.

Основной (неопределенный) падеж не имеет специального падежного показателя и выражает субъект действия. Существительные в основном падеже выполняют функции подлежащего, сказуемого, а в составе изафетной конструкции используются для передачи атрибутивных отношений.

Дательный падеж оформлен афф. *-a* (в дун.-булг. *-e*) и выражает объект — конечный пункт действия. Он имеет локативное значение. В волжско-булгарских текстах при обозначении даты вместо дательного падежа может употребляться и основной падеж.

Слово в местном падеже в волжско-булгарских надписях указывает на время совершения действия и имеет показатель *-ta*.

В дунайско-булгарских текстах есть также примеры, показывающие наличие местнодательного падежа на *-gü/-gu* и винительного падежа на *-i* (?).

Исходный падеж выражает начальный пункт действия в связи с идеей удаления и выступает в обстоятельственной функции. Показателем этого падежа в волжско-булгарских надписях выступает *-gan*.

Скудость фактического материала не позволяет во всей полноте осветить характер категории принадлежности и ее выражение в составе именной словоформы. В надписях зафиксированы лишь аффиксы 3-го лица ед. числа *-i/-i*, *-ü*.

2.3.5. Образования залоговых форм Б.я. аналогично таковому большинства тюркских языков. Эти формы характеризуют действие с точки зрения участия в нем субъекта. В Б.я. зафиксировано употребление: 1) основного залога, не имеющего морфологического показателя; 2) взаимно-совместного залога, образованного при помощи аффикса *-š*; 3) возвратного залога, образованного при помощи аффикса *-in*; 4) побудительного залога, показателем которого выступает *-tigr* (в дун.-булг. *-r*).

Проблема видо-временных значений не разработана.

Из форм наклонения в Б.я. отмечены изъявительное (с прошедшим категорическим временем) и повелительно-желательное (образуемое аффиксом *-tim*).

2.3.6. Выражение категории лица в Б.я., видимо, не имеет существенных отличий от ее выражения в других тюркских языках. Об этом можно судить из некоторых примеров, обнаруженных в текстах рунических памятников в верховьях Кубани и считающихся протобулгарскими. В них 1-е лицо ед. и мн. чисел прошедшего времени изъявительного наклонения оформлено аффт. -m и -q, которые одновременно выражают и число действующих лиц.

В надписях, считающихся булгарскими, представлено лишь прошедшее категорическое (Preterit) время на -ti/-tī/-tu/-du, а в одном из диалектов волжско-булгарского языка и -ċi (< -ti). Кроме того, в волжско-булгарском после основ на -n и -ċ появляется претеритный формант с начальным r- (ر-، ср. с جى/طى/طوى). В дунайско- и кубанско-булгарских текстах аффт. -tuγī/-tūgi, -ruγī/-rūgi и -tūki квалифицируются как причастные, имеющие претеритное значение.

По остальным пунктам надежный материал отсутствует.

2.3.7. О семантико-грамматических разрядах см. 2.3.1.

2.4.0. Имеющийся в наличии фактический материал не образует полных парадигм, об отдельных формантах см. 2.3.2.; 2.3.4.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Слово Б.я. состоит из соединения структурных элементов: корневой морфемы (слева) и аффиксальных морфем, каждая из которых моносемантична.

2.5.2. Из словообразовательных способов в Б.я. наиболее широко представлена аффиксация, т.е. морфологический способ, ср.: bäl + ük/bel + üg/bel + üχ 'надмогильный памятник', aj + iχ 'месяц', χajrät + lü 'энергичный', sam + ċi 'управляющий' и т.д.

Синтаксический способ соединения нескольких основ употреблен, в основном, при образовании волжско-булгарских личных имен. Встречаются сложные имена, соединенные приемыканием, например: χan köp 'среда' (букв. 'день крови'). Сложные глаголы в большинстве случаев образуются по типу «именная часть + вспомогательный глагол (bol-, ton-, it-)».

2.5.3. Б.я. относится к языкам номинативного строя. Порядок слов: субъект-объект-предикат.

Специфичность булгарских текстов (отдельные лексемы, реконструкции, эпитафийный характер) не позволяет раскрыть все пункты рубрикации: проблема не разработана.

2.5.4. Проблема не разработана.

2.6.0. Можно вести речь лишь о заимствованиях в волжско-булгарском языке, в котором из-за эпитафийного характера надписей источником заимствований является арабский язык, потому что он выступал официальным языком мусульманской религии и науки.

2.7.0. В кубанско-булгарском и волжско-булгарском языках выделяются два диалекта: t- (в куб.-булг. d'-) и ž-диалекты.

ЛИТЕРАТУРА

Ашмарин Н.И. Болгары и чуваша // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1902. Т. 18. Вып. 1-3.

Березин И. Булгар на Волге // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1852. Кн. 3.

Бешевлиев В. Първобулгарски надписи. София, 1979.

Булатов А.Б. Личные имена у древних болгар (VI-XVI вв.) // Ономастика Поволжья. Горький, 1971. 2.

Добродомов И.Г. Проблемы изучения булгарских лексических элементов в славянских языках. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1974.

Закеев М.З. Общий взгляд на булгарский язык // Советская тюркология и развитие тюркских язы-

ков в СССР (тезисы докладов и сообщений). Алма-Ата, 1976.

Закиев М.З. Татар халкы теленен барлыкка килүе. Казан, 1977.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

Федотов М.Р. Булгарский язык и его отношение к некоторым финноугорским языкам // Советское финно-угроведение. 1968. № 1.

Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1980. Ч. 1.

Хакимянов Ф.С. Язык эпитафий волжских болгар. М., 1978.

Шахматов А.А. Заметки об языке волжских болгар // Сборник музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. 1918. Т. 5. Вып. 1.

Юсунов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.:Л., 1960.

Benzing J. Das Hunnische, Donaubolgarische und Wolgabulgarische // Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden, 1959. I.

Gombocz L. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1912. XXX.

Menges K.H. Altaic Elements in the protobulgarian inscriptions // Byzantion. Brüssel, 1951. 21.

Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren // Ural-Altäische Bibliothek. 1955. I.

Róna-Tav A., Fodor S. Epigraphica Bulgarica. A volgai bolgár-török feliratok // Studia Uralo-Altaica. 1973. I.

Turkic-Bulgarian-Hungarian Relations (VIth–XIth Centuries) // Studia Turco-Hungarica. 1981. V.

Э.Р.Тенишев

ГУННОВ ЯЗЫК

1.0. Гуннов язык (Г.я.); наименования: греч. χουνοί (Птолемей, II в.), лат. Chunnii/ Hunni, рус. хунну/гунны.

2.0. Локализация: от Монголии до Причерноморья (нач. I тыс. до н.э. — V в. н.э.).

3.0. Следует различать хунну (hung-nu) и гуннов. Кочевой народ хунну сложился в Центральной Азии в начале I тыс. до н.э. из местных монголоидных и северокитайских европеоидных племен. В конце III в. до н.э. хунну населяли Монголию и Забайкалье. Во II в. н.э. часть хунну перешла под протекторат Китая и дала начало южной династии хунну.

Часть северных хунну передвинулась на запад и, смешавшись с приуральскими уграми и сарматами, во II–III вв. образовала новое кочевое объединение, известное в Европе под именем гуннов (гуннами иногда именуют также и хунну). Хунну, жившие в Ордосе и Ганьсу, образовали княжества, которые были завоеваны табгачами. Остатки хунну в Турфане в 460 г. были уничтожены жужанями. Культура хунну имеет общие черты со скифо-сарматской.

В 70 г. IV в. началось передвижение гуннов на запад, которое способствовало великому переселению народов. Гуннский союз племен достиг расцвета при Атгиле (правил 434–453 гг.). В 455 г. гунны были разбиты в Паннонии и ушли в Причерноморье. В 469 г. они пытались прорваться на Балканы, но сделать этого не смогли. Начиная с этого времени, гунны постепенно исчезают как государственное и этническое образование. Хунну и гунны включали в свой состав множество этносов и языков, в том числе и тюркский элемент.

Существуют следующие гипотезы о хунну: они были монголами, тюрками, финнами; состояли из тюрков и монголов; из монголов и тунгусов; из тюрков, монголов, тунгусов и финнов; представляли собою политическое объединение; были енисейским народом;